

Е.А. Нарочницкая

Иммиграционные потоки в Европу, экономический кризис и некоторые вопросы теории миграции

Аннотация. В статье на фоне экономической ситуации последних лет анализируются причины, особенности, динамика и структура иммиграционных потоков в Европейский союз; ряд теоретических концепций миграции, а также некоторые уроки текущего экономического кризиса в ЕС для теории миграции и понимания характера современной иммиграции.

Abstract. The article analyses the European Union immigration drivers, patterns, rate and structure, putting these themes in the recent economic context. It also challenges some theoretical models and offers suggestions on the understanding of contemporary immigration.

Ключевые слова: современная иммиграция, миграционные потоки, приток мигрантов в Европу, Европейский союз, экономический кризис, уровень безработицы, спад иммиграции, рост иммиграции, факторы иммиграции, теории миграции, теория двойного (сегментированного) рынка труда, сетевая теория миграции, миграционные системы.

Keywords: contemporary immigration, migration flows, inflows of migrants to Europe, European Union, economic crisis, unemployment rates, immigration slowdown, immigration growth, factors for immigration, theories of migration, dual (segmented) labour market theory, network theory of migration, migration systems.

Хотя массовые переселения народов свойственны истории человечества, принято подчеркивать, что современные миграции-

онные процессы не имеют аналогий в прошлом. Действительно, беспрецедентны их скорость, а также «разнообразие типов и форм человеческой мобильности», давшее основания демографам говорить о размывании прежнего смысла понятия «миграция» как обозначения окончательного переселения¹.

Впечатляющи и абсолютные масштабы международных людских потоков: по официальным данным ООН, в 2010 г. 214,2 млн. человек обитали вне государств происхождения (7). Но не стоит забывать, что эта внушительная сама по себе цифра не превышает 3,1% населения земного шара. И даже если прибавить к ней нелегальную миграцию – а это предположительно еще несколько десятков миллионов человек, – все равно жизнь более 95% людей, несмотря на возросшую мобильность, остается связанной со странами, где они родились и социализировались. В процентном отношении доля международных переселенцев поднялась за последний век всего на полтора пункта. В огромной же части мира, которую составляют, по терминологии ООН, «менее развитые регионы», т.е. Азия, Африка и Латинская Америка, удельный вес мигрантов в последнее 20-летие даже снизился – до 1,5% (27, с. XIX; 32, с. 2).

К подавляющему большинству жителей планеты по-прежнему применим консервативный тезис старых теорий миграции, на котором уже в наше время настаивал российский демограф Леонид Рыбаковский: «...миграционное поведение – это поведение, предполагающее чрезвычайные условия, чрезвычайную деятельность... Переезд остается событием исключительным, требующим особых обстоятельств, а миграция – лишь один специфический способ удовлетворения потребностей» (9, с. 186). О том, что «люди гораздо менее мобильны, чем деньги, товары или идеи», напоминали и известные критики гипертрофированной картины глобализации Пол Херст и Грэм Томпсон (23).

Тем не менее тенденция к ревизии классических представлений о миграции достаточно сильна. Не столь уж многие всерьез разделяют экстравагантные конструкции Жака Аттали, предпре-

¹ Эту идею, выдвинутую в 1997 г. проф. Университетского колледжа Лондона Джоном Солтом, поддержал директор Центра миграционных исследований Варшавского университета Марек Окольский, предложивший, в частности, новую понятийную категорию «незавершенная миграция» (8, с. 51).

кающего грядущее разделение человечества на гиперкочевников (руководящую элиту), инфракочевников (огромные нищие массы) и остатки оседлого населения, поглощенные потреблением «зрелищ» (13). Однако идеи нетрадиционных «мобильных стратегий» и «переселенческих парадигм», обыгрывающие концепт «человека кочующего», являются актуальным трендом не только в публицистической футурологии, но и в политической философии и социологии.

Отчасти они основаны на эмпирическом (и другом) материале, отчасти – навеяны обаянием коммуникационных инноваций. Еще очевиднее влияние такого небесспорного западного продукта, как идеология постнационального постмодерна в сочетании с социодемографическими реальностями сегодняшнего Запада. Трудно не заметить, что, как и многие другие идеи, претендующие на универсальность, представления о «возврате к номадизму» и превращении миграции в норму достаточно западоцентричны.

Плотность процессов миграции в современном мире крайне неравномерна. Неодинакова и степень их инновационности, зависящая к тому же от избранного аналитического ракурса – социологического, исторического, политологического, культурологического. На миграционной карте выделяются векторы и явления, более и менее революционные по характеру, контексту и потенциальным последствиям. С историко-политической и миросистемной точек зрения главным таким феноменом – прежде всего в качественном плане – с очевидностью являются потоки Юг – Север, нарастание которых наблюдается уже более полувека. В количественном отношении это направление тоже вышло на первое место, о чем в 2012 г. объявил Генеральный секретарь ООН. Именно оно «стало наиболее активно используемым миграционным коридором», на который приходится более 74 млн. человек, или 34,4% всех международных мигрантов (7). Доля иммигрантов в населении стран ОЭСР за последнее 30-летие более чем удвоилась, превысив 10% (27, с. 1; 32, с. 2).

Новые параметры европейской иммиграции

Внушительная часть этой демографической массы устремилась на Европейский континент, главным образом в высокоразви-

тые страны Западной Европы. В большинстве из них иммигранты, т.е. «родившиеся за границей», составляют 9–18% населения (39, с. 2). В реальности их присутствие масштабнее, хотя бы потому, что эти цифры не охватывают нелегальных резидентов. Еще важнее то, что в официальной статистике не учитываются (или учитываются не полностью) второе и тем более третье поколения иммигрантских общин, тогда как их представители часто воспринимаются окружающим обществом в качестве иммигрантов. Нередко они и сами считают себя таковыми, сохраняя иностранное либо двойное гражданство.

Следует уточнить, что международная миграция в Европейском союзе традиционно включает очень значительный внутриевропейский компонент, получивший новый мощный импульс после ликвидации «железного занавеса» и расширения ЕС на восток. В 2011 г. самой крупной группой иностранных граждан на территории стран Евросоюза стали выходцы из Румынии, которые по численности – чуть более 2,3 млн. человек – обошли даже турецкую диаспору (вернее ту ее часть, которая сохраняет гражданство Турции). Третье место, обойдя марокканцев, заняли граждане Польши – 1,6 млн. человек (39, с. 3). Но даже несмотря на эту новую волну, доля мигрантов из стран Юга неуклонно растет: если в 1990-х годах она составляла в среднем 36%, то в 2000-х – уже 43% (7).

Проблемы инкорпорации любых категорий иммигрантов, безусловно, имеют ряд общих аспектов, а также взаимосвязей. И все же есть серьезные основания, начиная с политико-правовых, рассматривать внутриевропейскую миграцию отдельно от собственно иммиграции в Европу, прежде всего из цивилизационно и геополитически иных частей мира. Признание этого разделения на формально-юридических основаниях (институт европейского гражданства и четко очерченные границы ЕС) отражает и официальная статистика Евросоюза.

В целом миграционный учет в Европе, как и повсюду, остается крайне несовершенной бюрократической практикой, подчиненной не всегда адекватным формальным критериям. Средние цифры по ЕС-27 в сфере миграции вообще скорее дезориентируют, чем информируют, скрадывая противоположность доминирующих тенденций в «старой» и «новой» Европе. Первая является зоной преобладающей иммиграции, вторая – эмиграции, хотя свои

иммигранты и эмигранты имеются везде. Оговорки об условности миграционной статистики присутствуют во всех международных информационных базах (ООН, Всемирного банка, ОЭСР и др.). На «исключительную скудность» и недиверсифицированность данных, «отсутствие надежной и своевременной статистики» и т.п. постоянно сетуют исследователи миграции (12; 18; 29; 30; 37). Но все же Евростат отдельно учитывает иностранных резидентов из государств, не входящих в Евросоюз. Четыре из пяти крупнейших европейских реципиентов: Германия, Великобритания, Италия, Испания – публикуют данные об иммигрантах, указывая страны их происхождения.

Именно разнородные многомиллионные потоки из бывшего Третьего мира с их этнокультурно-цивилизационным своеобразием и многообразием определяют новое лицо иммиграции в Евросоюзе. Именно с ними связан клубок новых системных проблем, составляющих иммиграционный вызов Европе. Юг, по емкому выражению А. Вишневского, «оказывается внутри Севера» (3). И, добавим, домодерн и ранний модерн – внутри позднего модерна и постмодерна.

Сходные процессы переживают все страны условного Севера – от Северной Америки до России. Но в Европе в силу ряда ее особенностей иммиграционный вызов наиболее рельефен и многоаспектен, а его «революционный» потенциал максимален.

В европейской истории, в отличие, например, от истории американской, иммиграция стала прямой «антитезой» опыту последних столетий. Контраст с эпохой консолидации европейских национальных государств и их эмиграционной экспансии в другие части планеты просто разителен. При этом палитра разнородных массовых потоков на Европейский континент сегодня шире, чем где бы то ни было.

В Европе ярче всего выражен и демографический упадок, усугубляющий эффект иммиграционного притока и трудность его интеграции. Именно сочетание с депопуляционным трендом дает основание таким демографам, как проф. Оксфордского университета Дэвид Коулмен, говорить о «третьем демографическом переходе», в результате которого произойдет кардинальная смена этнокультурного состава населения Европы (6). Критики акцентирования этнокультурного начала возражают: все это имеет значение лишь с

позиций этноцентризма – устаревшего и неадекватного в наступающую эпоху мультикультурализма. Другие, как российский демограф В. Ионцев, соединяют по-своему «этноцентристскую» логику с оптимистичным фатализмом, предполагая в «замене дряхлеющего, вымирающего европейского населения более жизнеспособным и многочисленным азиатским населением» не что иное, как «ход истории с целью сохранения человечества» (4, с. 5).

Но так или иначе – признаем ли мы самоценность или хотя бы значение этнокультурного элемента, считаем ли драмой его смену в Европе или нет – трудно отрицать огромный потенциал столь крупной демографической трансформации. Конечно, не потому, что она меняет цвет кожи и физический облик европейских обитателей, а потому что она способна ключевым образом повлиять на вектор развития европейской цивилизации и общественной модели, на социальную интегрированность Европы, ее место и роль в мироустройстве.

Это тем более так, поскольку симметричных тенденций, например в Китае, да и в целом в подавляющей части Большого Юга или Большого Востока, не наблюдается. А иммигранты оттуда, как известно, в немалой степени сохраняют собственную коренную идентичность, связи со странами происхождения и принадлежность к своим диаспорам. И даже если европейские народы постепенно денационализируются и деэтнизируются по мере утверждения постмодерна и мультикультурализма, то вовлечение в этот процесс иммигрантских общин далеко не очевидно. Во всяком случае, оно не более вероятно, чем их полная культурная ассимиляция, от которой официальная Европа сама давно отказалась, или чем консолидация этих диаспор в качестве своего рода транснациональных (но вовсе не безнациональных) «проекций» Востока, изнутри пронизывающих и стремящихся по-своему преобразовать Запад. И тогда взаимодействие постмодерна и того, что на Западе часто считают рудиментами национализма и преходящим восточным традиционализмом, может пойти по разным траекториям. Победа европейских ценностей, как классических, так и современных, в ходе этого процесса как минимум не гарантирована.

Динамика иммиграции и экономический кризис

Новизна современной иммиграции на территорию Евросоюза проявляется не только в ее масштабе, географии, этнокультурной и иной структуре, не только в модели укоренения мигрантов и формате их отношений с принимающим обществом, но и в самой динамике. Этот параметр чаще удостоивается внимания в рамках количественных показателей иммиграционного процесса. Однако в сопоставлении с социально-экономическим и политическим контекстом он может немало сказать о качествах явления, его причинах, движущих силах, характере.

Скачки и отдельные волны, характерные для первых периодов массовой иммиграции с Юга, сменились ее поступательным нарастанием, а затем постоянной, не спадающей волной, лишь немного меняющей высоту. В первом десятилетии XXI в. в Европу ежегодно мигрировало сначала не менее 1,5 млн., затем – 1,3 млн. человек. Менялось в основном распределение по странам: самый высокий темп прироста демонстрировала Южная Европа. Прогнозные оценки ООН показывают, что пик миграционного «давления» на территорию ЕС уже пройден, но на протяжении еще многих лет миграционный поток будет составлять более или около 1 млн. человек в год (27).

Между тем последнее пятилетие в странах Европы прошло под знаком разразившегося в 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса, который в ЕС получил особо тяжелые и длительные формы, фактически перейдя в общеевропейский кризис с пока неясными перспективами (11). Тотальный экономический спад наблюдался в 2009 г., когда ВВП ЕС-27 упал на 4,3% (16). Однако в наиболее пострадавших странах Евросоюза, прежде всего в Греции, Испании, Португалии, отчасти Италии, глубокий кризис продолжается до сих пор, причем его размах по ряду параметров и последствий оказался беспрецедентным для всей истории интеграционного проекта. Это выразилось в критических масштабах государственного долга, резком росте корпоративной и частной задолженности, прогрессирующем бюджетном дефиците, обвальном падении доходов, внутреннего спроса и инвестиционной активности, политической нестабильности и массовых социальных протестах. Рекордных значений достигла безработица, составив-

шая в 2012 г. 25% в Испании, 24,7 – в Греции, 15,7 – в Португалии, 10,6 – в Италии (11; 16).

В большинстве остальных государств ЕС спад, едва сменившись вялым ростом в 2010–2011 гг., перерос в затяжную рецессию. В 2013 г. в семи странах еврозоны вновь прогнозируется абсолютное сокращение ВВП. Еще в трех, включая Францию и даже более устойчивую Германию, рост составит менее 1% (в среднем по ЕС-27 он ожидается практически нулевым – 0,1%) (16).

Неизбежно встает проблема взаимовлияния переживаемого Европой социально-экономического кризиса и иммиграционных процессов. Проблема эта имеет несколько аспектов, каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения. Мы сосредоточимся прежде всего на одном вопросе: как сказалась кризисная ситуация на динамике иммиграции в ЕС?

На рубеже текущего десятилетия появился очередной доклад ООН о миграции и ряд других авторитетных публикаций, в которых так или иначе делался акцент на замедлении миграционных потоков. Эмпирической основой для такого заключения послужили статистические базы ООН, Всемирного банка и других международных институтов. (Но стоит обратить внимание на следующую деталь: обработанные на тот момент фактические данные относились к периоду до 2009 г., и даже на 2010 г. давались прогностические оценки.)

Косвенным индикатором изменения численности мигрантов предположительно было сочтено сокращение их денежных переводов. По данным Евростата, в 2009 г. сумма этих трансакций за пределы ЕС – а это более 30 млрд. евро – впервые после долгого прогрессирующего роста (а в предкризисные четыре года ежегодный рост исчислялся двузначными цифрами) уменьшилась, причем сразу на 7,2% (33, с. 217). Впрочем, связь этого факта с динамикой миграции сразу вызвала сомнения: сокращение переводов могло и должно было объясняться не в последнюю очередь ростом безработицы среди мигрантов и, следовательно, сокращением не столько их численности, сколько доходов.

Вместе с тем сама конъюнктура рынка труда и уровень занятости традиционно причисляются к ключевым факторам иммиграционной привлекательности. При всех теоретических разногласиях и нюансах эмпирические исследования предыдущих лет

подтверждали отрицательный эффект безработицы в принимающих странах на динамику иммиграции. Примером может служить серия публикаций голландского демографа и экономиста Роэла Йенниссена, и в частности его расчеты, выполненные по методам регрессионного и перекрестного анализа с использованием показателей подушевого ВВП, безработицы и качества человеческого капитала в странах Западной Европы за несколько десятилетий – с 1960 по 1998 г. (29).

Фактор занятости считается тем более важным, что иммигранты часто первыми теряют рабочие места. Так происходило и в ходе последнего кризиса, хотя отнюдь не везде и не во всех сегментах рынка. Посвященное интеграции иммигрантов «пилотное» исследование Евростата оценивало уровень безработицы в 2009 г. в среднем в 9%, а среди мигрантов из стран, не входящих в ЕС, – в 16% (24, с. 48).

Предвидя падение спроса на рабочую силу в принимающих странах, правительства многих стран-доноров еще в первые месяцы глобального финансово-экономического кризиса объявили, что готовятся оказать помощь согражданам, которые потеряют работу за рубежом и будут вынуждены вернуться на родину.

Основания ожидать спада иммиграции давала не только текущая ситуация с занятостью, но и более давний исторический опыт. Колебания численности европейских переселенцев в Новый Свет в последней трети XIX в. довольно четко коррелировали с чередованием спадов и подъемов в американской экономике, а Великая депрессия 1929–1933 гг. сопровождалась настоящим «обвалом» иммиграции в США. Квоты, и без того урезанные после Первой мировой войны, в 1933 г. были заполнены только на 5%, на родину вернулись многие мексиканцы – в итоге миграционное сальдо США в 1933–1935 гг. оказалось отрицательным (21, с. 43). Вспоминается прецедент «нефтяного» кризиса 1973–1977 гг., когда, пусть ненадолго, приток иностранных рабочих остановился либо резко упал в таких государствах, как ФРГ, Швейцария, Франция, Бельгия, хотя далеко не повсюду в Западной Европе наблюдалось то же самое.

С прогнозами спада иммиграции выступило немало исследователей. Немецкий профессор Герберт Брюкер представил свои

расчеты коэффициента чистой миграции (КЧМ)¹ для ЕС. Они показали, что Европа впервые в истории сравнивалась с Соединенными Штатами: в 2010 г. этот индекс составил чуть выше 3 (на тыс. человек) по обе стороны Атлантики. Но если в первой половине 2000-х годов КЧМ рос в ЕС беспрецедентными темпами – в противоположность США, где он симметрично убывал, – то после 2005 г. снижение началось и в Евросоюзе. Это позволило Брюксеру утверждать, что «на фоне глобальной рецессии рост иммиграции в ЕС прекратился и есть вероятность дальнейшего сокращения вследствие продолжающегося кризиса евро, который особенно тяжело сказывается на ситуации в основных странах-реципиентах в Южной Европе» (14).

Оправдались ли подобные прогнозы? Пока скорее нет или оправдались далеко не полностью. Спад иммиграции кое-где произошел, но, так же как и в годы «нефтяного кризиса», оказался избирательным, в ряде случаев кратковременным и, за единичными исключениями, не слишком существенным. Кроме того, далеко не ясно, можно ли считать его прямым следствием рецессии, а не иных причин, прежде всего ужесточения иммиграционной политики, которое там, где оно имело место, готовилось давно и было обусловлено не только кризисом. Как и в 1970-х годах, практически не наблюдалось массового оттока ранее приехавших мигрантов из стран, не входящих в ЕС² (21).

Примечательно, что, по данным Мирового справочника ЦРУ, южноевропейские государства, переживающие тяжелейшие времена, обогнали в 2012 г. почти все другие развитые страны (кроме

¹ Коэффициент чистой миграции – основной демографический показатель мобильности населения. Рассчитывается как отношение чистой миграции, или разницы между числом въехавших и выехавших, к общей численности населения, определяется на каждую тысячу человек.

² Особое внимание аналитиков привлек опыт Испании, где уже в конце 2008 г. число безработных легальных мигрантов превысило 400 тыс. человек. Правительство предложило денежную компенсацию, рассчитанную на 80 тыс. мигрантов, с условием, что они вернутся домой и не станут выезжать обратно в течение трех лет. Однако к августу 2009 г. этим предложением захотели воспользоваться всего 6 тыс. человек – в отличие от поляков в Великобритании, многие из которых в сходной ситуации вернулись в Польшу (21; 37).

Люксембурга, Канады и Австралии с их спецификой) по коэффициенту чистой миграции, который в Испании составил более 5, в Италии – 4,67¹. Достаточно высоким (более 2) остался КЧМ в Великобритании и Голландии (34). Правда, Евростат обнародовал некоторые другие данные, не согласующиеся с расчетами ЦРУ, в частности, о резком падении притока мигрантов в Испанию в 2009 г., однако это едва ли принципиально меняет общую картину.

Еще красноречивее абсолютные цифры миграционного сальдо (валовой чистой миграции) за «кризисное пятилетие» 2008–2012 гг., приводимые Всемирным банком. В Великобритании, Италии, Швеции сальдо оказалось даже больше, чем в 2003–2007 гг. Население Соединенного Королевства пополнилось на 1,020 млн. иностранцев, Апеннинского полуострова – почти на 2 млн., Испании – на 2,250 млн. На этом фоне результаты Германии и Франции выглядят скромнее. Но и к их иммигрантским общинам прибавилось более 550 тыс. и 500 тыс. человек соответственно, что, впрочем, примерно на 28 и 35% меньше прироста в докризисные пять лет. В Европе кардинальное снижение чистой миграции произошло только в Голландии (почти в три раза) и Ирландии (в два раза) (25).

Стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, речь идет лишь о замедлении притока новых иммигрантов. Увеличение же общей иммиграционной массы продолжалось во всех государствах ЕС-15 без исключения. Во-вторых, межстрановые различия в иммиграционной динамике не коррелировали ни с уровнем безработицы, ни с размахом других проявлений кризиса. Напротив, сокращение притока иммигрантов в Голландию и Германию происходило на фоне самых низких в зоне евро показателей безработицы (см.: 16). Графики изменения уровня безработицы и чистой миграции в Великобритании за период 1991–2011 гг. также демонстрируют отсутствие взаимосвязи между двумя этими переменными: их кривые расходятся, сходятся, пересекаются, вновь расходятся без всякой симметрии или параллелизма (35).

То, что миграционные потоки необязательно должны реагировать на ухудшение экономической ситуации в месте назначения, в принципе не являлось открытием для специалистов. Проф. Ро-

¹ В 2013 г. КЧМ в Испании прогнозируется уже на уровне более 6, т.е. выше, чем в Канаде и Австралии (34).

нальд Скеддон из Центра миграционных исследований Университета Сассекса еще в 2010 г. скептически оценил поспешные заключения о предстоящем спаде миграции: «Редко наблюдается четкая корреляция между экономическими двигателями миграции и реальным форматом перемещения людей» (37). На «устойчивость миграции» по отношению к хозяйственным кризисам указывают главные редакторы коллективного труда, изданного в 2012 г. Всемирным банком, «Миграция и переводы мигрантов в период глобального финансового кризиса и после него» (33).

С весьма осторожным и нюансированным прогнозом выступили британские экономисты: эксперт Всемирного банка проф. Алан Уинтерс и Тим Грин. Опыт прошлых кризисов, обстоятельно ими проанализированный, как и характер современной миграции, по их убеждению, не дают оснований ждать заметного оттока ранее приехавших мигрантов. Что касается уменьшения нового притока, зарегистрированного в отдельных странах, то оно началось, судя по приводимой Уинтерсом и Грином статистике, еще до осени 2008 г. И это не случайно. На миграцию и на иммиграционную политику влияют не столько экономические кризисы, сколько долговременные факторы, подчеркивают эти авторы. Нынешняя рецессия может иметь долговременный эффект, но это произойдет только в том случае, если она «даст импульс переменам в правительственной политике, структурным экономическим сдвигам...» (21, с. 45).

Некоторые аналитики предлагали не забывать о социально-экономической ситуации в странах исхода, многие из которых тоже пострадали с началом мирового финансового кризиса. «Арабская весна» очень скоро напомнила и о таком малопредсказуемом источнике миграции, как политические потрясения. Вынужденная миграция из регионов, охваченных хаосом и гражданскими войнами, согласно опыту и теории, мало зависит от экономической притягательности стран назначения, да и от их иммиграционного режима.

Однако устойчивость миграционного притока в пораженную рецессией Западную Европу вряд ли можно объяснить экономической и политической дестабилизацией в регионах-донорах. Дело не только в исторических наблюдениях, показывающих, что «в периоды экономических спадов наибольшее значение имеют условия в странах прибытия» (21, с. 44). Сама географическая структура со-

временных потоков опровергает линейную зависимость миграции от сравнительного экономического положения в странах исхода. (Это видно даже «в первом приближении», хотя профессиональный экономико-статистический анализ неизбежно выявит здесь значимые вариации.) Главными источниками миграции, например, на Британские острова являются Индия, Китай и Пакистан, в Испанию – Латинская Америка. Но два азиатских колосса и (в меньшей степени) латиноамериканский регион относятся не к «аутсайдерам» мировой экономики, а к лидерам экономического роста, сохранившим или быстро восстановившим экономический динамизм после мировых финансовых потрясений 2008–2009 гг.

Что касается политического взрыва на арабском Востоке, то его влияние на иммиграцию в ЕС, несмотря на вполне реальные опасения на заре событий, пока не стало статистически значимым. По крайней мере таков итоговый вывод одного из первых научных исследований этого вопроса, опубликованного в 2012 г. в Центре Робера Шумана при Европейском институте во Флоренции.

Эмиграционные волны (и огромные) подняли лишь гражданские войны в Ливии и в меньшей степени – в Сирии. Но «из более чем миллиона беженцев, покинувших Ливию, только 25 тыс. прибыли в Европу, а из 100 тыс. сирийских беженцев в Европе в настоящее время находятся, видимо, не более нескольких сотен человек», утверждают авторы исследования (18). Легальная миграция из остальных стран Южного Средиземноморья в Италию, Испанию, Германию и Великобританию¹ в 2011 г. увеличилась на 90,8 тыс. человек, что не превышало средних значений роста для предыдущих лет. К тому же 72% этого прироста приходилось на Марокко – государство, почти не затронутое политическими смутами. Таким образом, «арабские волнения не вызвали никаких изменений в уже существовавших трендах легальной миграции в Европу» (18).

Наплыв нелегалов, получивший громкий резонанс из-за скандальной ситуации на маленьком итальянском острове Лампедуза, ненадолго затронул главным образом Италию: на ее побережье за первые девять месяцев 2011 г. незаконно высадилось более

¹ Только эти четыре государства ЕС к началу 2012 г. опубликовали данные о численности иммигрантов с указанием стран их происхождения.

42 тыс. человек. Учитывая их происхождение – в основном из африканских стран южнее Магриба, – этот факт был связан не с «арабской весной», а с брешами в контроле итальянских морских границ. Причем, согласно статистике, он компенсировался сокращением нелегальных въездов через другие каналы в Испании и на Мальте (18).

Так почему же не стоило ожидать особого спада иммиграции под воздействием рецессии? Главное, что не располагало к таким ожиданиям, – это междисциплинарный теоретический багаж, накопленный в профессиональных миграционных исследованиях. Конечно, данное утверждение относится не ко всем идеям, а к некоему условному синтезу наиболее адекватных и апробированных представлений. В реальности существуют отдельные теории и модели миграции – демографические, математические, экономико-географические, экономические, социологические и т.д., имеющие разную степень научного и общественно-политического влияния. И, как показал кризис, это влияние не всегда пропорционально их аналитической ценности и актуальности.

Теоретические подходы к иммиграции и некоторые уроки кризиса

Среди немалого числа моделей, описывающих миграционные закономерности, основными общепризнанными «теориями миграции» являются несколько концепций, сформулированных непосредственно в данном качестве. Это теория «pull and push факторов» («втягивающих и выталкивающих факторов»); неоклассическая экономическая теория; теория двойного, или сегментированного, рынка труда; теория «сетей и новой экономики миграции», а также расширенная неоклассическая и сетевая теория. Все они носят исключительно (либо преимущественно) экономический и/или социологический характер. Все первоначально появились в лоне американских научных школ. Но для всей западной и ориентирующейся на Запад международной экспертной среды эти концепции стали опорными координатами теоретического дискурса о миграции. В Европе их доминирование в миграционных исследованиях отчетливо наблюдается, например, в Великобритании, ФРГ, Голландии, Скандинавских странах, а также в общеевропейских

экспертных структурах. В той или иной мере все они представлены в российской научной и образовательной литературе (см., например: 2; 10).

Имеющая наибольшую публичную известность и самая старая (из названных) модель «pull and push факторов», завоевавшая большую популярность в России в 1990-х годах, считается в западной науке безнадежно устаревшей¹. Все остальные теоретические схемы остаются в научном обиходе. Каждая имеет своих сторонников и критиков в профессиональном сообществе, обнаруживает минусы и плюсы в зависимости от конкретного эмпирического контекста и время от времени получает уточненные интерпретации как в американских, так и в европейских исследовательских центрах.

Однако в европейском общественно-политическом дискурсе, экономической идеологии и экономической политике просматривается, на наш взгляд, особое, непропорционально большое влияние одной, отдельно взятой теории, а именно теории двойного (сегментированного) рынка труда. В соответствии с ее логикой современная миграция генерируется не «выталкивающими» факторами в донорских странах, не разницей в уровне доходов и не любыми другими «сопутствующими» обстоятельствами, а главным образом спросом принимающих экономик на определенную рабочую силу.

Спрос предопределен структурой постиндустриальной экономики, которой имманентно присущи сегменты, втягивающие из-за рубежа рабочую силу, свободно курсирующую на глобальном

¹ Концепция была сформулирована в середине 1960-х годов проф. Пенсильванского университета Эвереттом Ли на базе идей английского географа XIX в. Эрнста-Георга Равенштейна и лишь позже получила название теории «pull and push факторов». По сравнению с более современными схемами она меньше тяготеет к монокаузальности. Теория Равенштейна–Ли упоминает разнородные мотивы, побуждающие к миграции, которые связаны с экономическим, демографическим, природно-климатическим, социальным, политическим и гуманитарным контекстом и в странах-донорах, и в принимающих странах. Однако набор мотивов произволен и сводится к перечислению. Механическое приложение этой концепции, как справедливо заметил Л. Рыбаковский, критикуя увлечение ею в постсоветской России, ведет лишь к «смешению понятий», тогда как в основе разных видов миграции лежат разные механизмы (9, с. 183).

рынке. Такие сегменты образуются на верхнем и нижнем уровнях, минуя середину, – отсюда образ «песочных часов» как метафоры трудовой структуры иммиграции. Это явление в развитых экономиках обусловлено деиндустриализацией и преимущественным развитием, с одной стороны, наукоемких производств и функций управления (верхний уровень), а с другой – трудоемкой сферы услуг, непрестижной и малопривлекательной для местных работников (нижний уровень).

В первоначальной версии теории, которая связана с именем американского экономиста Майкла Пиоре, речь шла о разделении рынка труда на два сектора: «первичный», высокотехнологичный, с высокими зарплатами и стандартами трудовых условий, часто с сильной профсоюзной защитой, и «вторичный», с низкими зарплатами и минимальной защитой труда. Позже социолог Александр Портес (ныне директор Центра миграции и развития в Принстоне) и его коллеги ввели в схему третий элемент – «анклавную», или «этническую», экономику, создаваемую иммигрантами, использующими труд почти исключительно своих соплеменников.

Сегментированность экономики развитых стран, описываемая этой теорией, сама по себе является общепризнанным фактом. Однако объяснение иммиграции преимущественно спросом на рабочую силу неоднократно критиковалось и с концептуальной, и с методологической точек зрения. В частности, с такой критикой выступил Дуглас Мэсси, ныне президент Американской академии политической и социальной науки, имеющий международную известность в качестве автора расширенной версии неоклассической и сетевой теорий миграции, и его соавторы (38). В работах ряда европейских специалистов, например Р. Йенниссена, статистически доказывалась непригодность концепции Пиоре–Портеса для объяснения динамики отдельных видов миграции (30).

Тем не менее теория двойного рынка труда нашла благодатную почву в европейском интеллектуальном пространстве и пустила там прочные корни. Свою роль здесь помимо экономических интересов элит, определенных социальных групп и категорий бизнеса явно сыграл демографический упадок Европы. Возникшая перспектива естественной убыли и старения, смещение баланса между работающими и пенсионерами – все это сделало европейцев особенно восприимчивыми к теме дефицита трудовых ресурсов.

К концу XX в. импорт рабочей силы, т.е. иммиграция, стал считаться фундаментальным императивом успешного развития Европы в настоящем и будущем. Несмотря на скрытые дискуссионные аспекты, этот тезис довольно легко утвердился в качестве аксиомы, почти не подвергаемой сомнению в экспертном, политическом и медийном сообществах.

В свою очередь, вокруг потребности в импорте трудовых ресурсов выстроился и весь европейский дискурс на тему истоков и природы массовой иммиграции. Присутствуют в нем и иные, неэкономические аргументы, апеллирующие к либерально-демократическим идеалам, идеям глобализированного универсума, «колонизальной вины» европейских народов и т.д. Но именно фактор трудовых ресурсов является центральным элементом в объяснении и обосновании иммиграции как объективного, неизбежного и позитивного процесса. «Иммиграция призвана сыграть ценную роль в укреплении конкурентоспособности ЕС, являясь ответом на нынешние и будущие демографические вызовы и восполняя недостаток рабочей силы», – этим характерным тезисом открывается раздел Фонда интеграции на сайте Европейской комиссии (26).

Логика такого подхода осознанно или непроизвольно увязывает иммиграционные потоки в Евросоюз со спросом европейского рынка труда. И в его контексте были вполне естественны ожидания спада иммиграции в результате затяжного экономического кризиса, причем спада, хоть отчасти соразмерного с конъюнктурой занятости. Действительность, как мы видели, сильно разошлась с этими представлениями.

Реальная динамика иммиграционных потоков в условиях последних кризисных лет преподала свои уроки. Один из них состоит в подтверждении следующего вывода, который назрел уже давно. Какими бы стареющими и малодетными ни были европейские народы, *экономическая потребность в импорте трудовых ресурсов больше не является главным мотором массовой иммиграции в Европу*. Впрочем, тут требуются некоторые оговорки и уточнения.

Конечно, европейцы по-прежнему не хотят и вряд ли захотят выполнять определенные виды работы, так называемые «три D» (difficult, dirty, dangerous – трудная, грязная, опасная), которые между тем остаются востребованными обществом и экономикой. И это – не ситуационное обстоятельство, а структурная социокуль-

турная черта современной цивилизации. Ее представители уже в нескольких поколениях поголовно образованны, привычны к достатку и социальным гарантиям, воспитаны в духе эгалитаризма, к чему в наше время добавились «постмодернистские ценности» гедонизма и завышенной самооценки. Уроженцы «старой Европы» часто предпочитают любому ухудшению условий трудоустройства пособие по безработице. Например, среди британских безработных в 2010 г. не более двух третей были согласны на временную либо менее ответственную вакансию и на переобучение, лишь 37% – на менее оплачиваемую должность и всего 30% готовы были тратить хотя бы час на дорогу до работы (1).

Есть и иной – не социокультурный, а политэкономический – комплекс факторов, создающий ниши, где местное население заведомо не готово трудиться из-за мизерной платы и варварских условий труда. Яркой иллюстрацией этого явления может служить ситуация с апельсиновыми плантациями в итальянской Калабрии. Раньше сбор урожая приносил стабильный доход всем окрестным жителям. Теперь урожай скупают по бросовым ценам несколько транснациональных монополистов, и фермеры могут избежать разорения, только нанимая и нещадно эксплуатируя нелегалов, которые специально съезжаются туда, селясь в заброшенных домах (5).

Консервации подобных ниш способствуют тенденции либерализации и «десоциализации» европейского капитализма, набравшие силу в последние 30 лет. Бизнес и экономика (освобожденные от «направляющей руки» политики, ориентированной на долгосрочные интересы страны, общества, региона) функционируют по жестким законам глобального рынка, даже если это подразумевает экстенсивное развитие, отказ от модернизации производства, архаизацию трудовых отношений и социального ландшафта. Отвечает ли такое использование импортной рабочей силы фундаментальным потребностям прогресса Европы – вопрос скорее риторический.

Именно трудоемкая экстенсивная модель, базирующаяся на поощрении иммиграции и лавинообразно растущем предложении дешевой рабочей силы, легла в основу опережающего экономического роста Испании в предкризисные годы. За период 1998–2007 гг. было создано 6,5 млн. новых рабочих мест при низком росте средней производительности труда (0,9%). Напротив, в Германии пред-

почтение было отдано капиталоемкой интенсивной модели развития и сдерживанию иммиграции: за тот же период появилось лишь 2,7 млн. рабочих мест, рост ВВП был более умеренным, но рост производительности труда оказался заметно выше (1,6%) (20, с. 56).

Противоположность избранных стратегий развития во многом объясняет разные «паттерны» экономической и иммиграционной ситуации в двух странах в условиях разразившегося кризиса: рост чистой миграции даже на фоне беспрецедентных трудностей и коллапса занятости в Испании и ослабление иммиграционного притока на фоне экономической устойчивости и низкой безработицы в Германии. Ценный сравнительный анализ этих вопросов содержится в исследовании интернационального авторского коллектива в составе Дирка Годенау (Университет Ла Лагуны, Испания), Диты Фогель и Веселы Ковачевой (Институт мировой экономики в Гамбурге, Германия), Янь Ву (Университет Суонси, Уэльс, Великобритания)¹ (20).

Так или иначе спрос на нетребовательную рабочую силу для «вторичного» сектора остается. Однако он в большой степени покрыт за счет многомиллионной массы уже переехавших в Европу африканцев, азиатов, латиноамериканцев. Дополнительную «резервную армию» составляют нелегалы (не менее 8 млн. человек). После очередного расширения ЕС к соискателям трудовых вакансий низшего и среднего уровня добавились поляки, румыны, другие выходцы из «новой» Европы. Получив, с временными оговорками, свободу передвижения в Евросоюзе, они буквально хлынули на Запад. Количество выехавших туда восточных европейцев превысило первоначальные прогнозы в десятки раз. Потребность ЕС в импорте извне рабочей силы низкой и средней квалификации практически сошла на нет – этот факт неоднократно отмечался исследователями европейского рынка труда.

Параллельно ощущается растущий спрос на высококвалифицированные кадры определенных профилей (специалисты по информационным технологиям, врачи в Великобритании и др.). Дефицит таких кадров, как считается, будет только увеличиваться в силу опережающего развития информационно-коммуникационного сектора и сокращения населения Европы в сочетании с «отто-

¹ См. реферат этой работы, представленный в данном номере журнала.

ком умов» в регионы с более льготным налогообложением. Но лица с высшим образованием даже среди вновь прибывающих в ЕС трудовых мигрантов по-прежнему далеко не доминируют, несмотря на введение «голубых карт» и привилегированный режим получения трудовых виз. В 2001 г. их доля составляла в среднем 25%, причем эта цифра охватывала внутриевропейскую миграцию и скрывала существенные различия между отдельными странами (22). В Германии и в 2009 г. лишь 21 % новых мигрантов относился к дипломированным специалистам (36). Среди выходцев из Латинской Америки, да и отдельных стран Азии, она заметно ниже, не говоря уже о жителях Африки (22). Напротив, значительный процент поселившихся в Евросоюзе мигрантов из других регионов имеет всего лишь начальное образование: во Франции – 43%, в Испании – 49, в Италии – 50, в Греции – 54% (24, с. 110).

Сам по себе фактор нехватки трудовых ресурсов, который некогда сыграл роль «спускового крючка» их массового перетока с Юга на Север, может сохранять значение. Но этот фактор если и остается достаточной причиной для продолжения миграции, к ряду необходимых причин он уже не относится. Потребность в дополнительных работниках в данный период и в данном месте может отсутствовать, а процесс иммиграции – продолжаться и даже нарастать. Опыт последних кризисных лет в этом плане достаточно красноречив.

По самой своей структуре иммиграционные потоки в Евросоюз давно не являются преимущественно трудовыми. Даже без учета не слишком многочисленных гуманитарных компонентов велика доля семейной иммиграции, которая оценивается в среднем в 40–50% и имеет тенденцию к росту. Это – один из самых diskutiryeмых аспектов иммиграционной проблемы в западных странах. Причем семейный канал, как и соискание убежища, давно массово используется для проникновения на территорию ЕС мигрантов, движимых не семейными, а экономическими мотивами – из числа тех, что не востребованы европейским рынком. В борьбе с этой практикой миграционные ведомства периодически вводят дополнительные «фильтры». Но въезд мигрантов по семейной линии в целом прочно обеспечен европейскими и международными правовыми гарантиями по защите семьи и брака. Во Франции, например, быстрый рост иммиграционных потоков из арабских стран с

2001 г. «вызван главным образом воссоединением семей» (18, с. 1). В Австрии, Бельгии, Германии, Нидерландах, Норвегии, Португалии и Швейцарии от 60 до 75% всех въездов на постоянное жительство также связаны с семейной миграцией (31).

Внутренняя часть иммигрантских общин вовсе не относится к самостоятельному населению. По данным ОЭСР на 23 марта 2013 г., к экономически неактивным мигрантам трудоспособного возраста, без учета учащихся и безработных, принадлежат: в Германии более 2 млн. 800 тыс. человек, во Франции – почти 2,5 млн., в Великобритании – около 1,65 млн., в Италии – более 1,6 млн., в Испании – почти 700 тыс.¹ (15). В исследовании Евростата особо отмечается резкий дисбаланс в экономической активности женщин 25–54 лет: в большинстве государств ЕС она как минимум на 11 (и более) процентных пунктов ниже среди выходцев из неевропейских стран, чем среди женского населения в целом (24, с. 34). Иными словами, по вовлеченности женщин в экономическую деятельность европейские общества дрейфуют к стандартам полувековой давности – при несравненно большей социальной нагрузке на бюджеты, нежели в те времена.

Современная иммиграция никак не вписывается в рамки явления, производного от экономических потребностей принимающих обществ. И это еще заметнее в условиях кризиса. Явно неадекватными предстают все теории, сводящие миграцию к продукту рыночных механизмов. Среди них – и неоклассическая теория, ставящая во главу угла игру таких рыночных факторов, как предложение рабочей силы и размер заработной платы. Ни одна из чисто экономических концепций не способна объяснить, почему иммиграционный приток не иссякает даже тогда, когда спрос на импортную рабочую силу насыщен, а перспективы трудоустройства и выгоды от переезда минимальны, как это обстояло в греческой или испанской ситуациях образца 2009–2012 гг.

Некоторые из объяснений данного казуса еще в 1990-х годах предложили сетевая и другие теории, сосредоточенные не на индивидуальных мотивациях, а на коллективных, институциональных, системных основах миграции. Сетевая теория акцентирует

¹ Следует иметь в виду, что в базах ОЭСР цифры численности иммигрантов в силу особенностей учета на 15–20% ниже, чем в статистике ООН.

роль социальных сетей вокруг мигрантов, формирующих на новом месте собственные сообщества, инфраструктуру и поддерживающих связи с социальной средой на родине. Сети, этническая экономика, социальные гарантии в западных обществах, денежные переводы служат буферами, снижающими издержки переселения и амортизирующими эффект рыночной конъюнктуры, создают дополнительные стимулы к эмиграции. Важность сетевых связей мигрантов в качестве механизма самовоспроизведения и саморазвития миграции стала одним из общепризнанных тезисов в профессиональных миграционных исследованиях.

Сетевая теория, впрочем, тоже имеет пределы – даже в расширенном варианте, синтезирующем ее с положениями основных экономических теорий (теория сетей, социального капитала и «новой экономики миграции» Д. Мэсси, О. Старка и др.). Как уже отмечалось, сетевая теория не дает ответа на вопрос, почему миграционные потоки меняют направление или сокращаются, несмотря на то что экономические и сетевые стимуляторы продолжают работать (см., например: 17).

Именно такой вопрос вполне уместно поставить, анализируя, например, снижение в 2008–2012 гг. чистой миграции во Францию, Германию и Голландию. Напомним, что во всех трех странах давно налажены мигрантские сети, а уровень безработицы в ходе кризиса почти не повысился либо остался на рекордно низком для ЕС уровне. В ФРГ он лишь плавно снижался: с 7,9% в 2009 г. до 5,5% в 2012; в Нидерландах колебание происходило в диапазоне от 3,7% в 2009 г. до 5,3% в 2012 г. (16). При этом показатель занятости мигрантов, например в Германии в 2010 г., был лишь на 2% ниже, чем среди коренного населения (19).

В последние годы растет понимание роли иных, неэкономических факторов: социокультурного контекста, восприятия иммигрантов принимающим социумом, иммиграционной политики. На эти темы появляется немало конкретных социологических исследований. Примечательную мысль высказали социологи Питер Кивисто (Колледж Огустана, США) и Томас Файст (Университет Билефельда, ФРГ). Явной лакуной в миграционных теориях, по их мнению, остается недооцененная роль государства, государственной политики в организации эмиграции и иммиграции (17).

Стоит отметить и другое. Вытесняющее классические общественно-научные методологии сопоставление-тестирование намеренно узких теорий и одномерных моделей-гипотез по методам естественных наук, математической статистики, «методу кейсов», «точечному методу» и т.п. в любом случае едва ли достаточно, чтобы охватить миграционные процессы. Монокаузальные подходы (как и единичные доказательства или факты корреляции) применительно к сложным социальным явлениям приносят в лучшем случае ограниченную пользу. В традиции континентально-европейской и отечественной науки теория – это гораздо более объемная система идей и аргументов. И в данной традиции теоретическое понимание меняющегося феномена миграции складывается не из формализованных схем, а из массива исследований и размышлений, так или иначе имеющих отношение к сюжету.

Причины и движущие силы современной миграции с Юга, даже оставляя в стороне ее последствия, – тема обширнейшая. Многие из ее аспектов более или менее подробно исследованы и документированы. Среди них – то, что составляет колоссальную двойную (экономико-демографическую) асимметрию между Севером и Югом. Это также логика глобального рынка и либерального капитализма, структура и механизмы мировой экономики; новые коммуникационные возможности и практики, ассоциируемые с глобализацией; социальные сети и бизнес-структуры, обслуживающие и организующие легальные и нелегальные миграционные потоки. Это исторические связи с бывшими колониями или сферами влияния. Это комплекс внутренних «выталкивающих» факторов в огромной части незападного мира... По-своему многое из этого охватывает эффектная формула трех «D», двигающих миграционный механизм: Глобальная комиссия по международной миграции назвала ими development (развитие), demographics (демографию) и democracy (демократию) (12, с. 10). Несколько реже в качестве «драйверов» иммиграции рассматривается эффект новейших социокультурных особенностей и идейно-ментальных трендов современного Запада (либертарианские тенденции в либерализме, эрозия национальной идеологии, мультикультурализм...).

С общего ракурса даже беглым взглядом улавливается обусловленность миграционных потоков кумулятивным эффектом

огромного множества факторов. Они просматриваются в разных срезах общественной реальности – от экономики до культуры, на разных пространственных уровнях – от глобального до местного, на разных субъектных уровнях – от индивидуума до всемирных организаций. Миграционную «волну» поддерживает мегакомплекс взаимодополняющих механизмов, сложившихся по обе стороны – на Юге и на Севере. Поэтому, а не только из-за эффекта сетей, миграция между ними превратилась в «спонтанный» процесс, уже набравший мощную инерцию самовоспроизведения. Отсюда – его высокая устойчивость к выпадению отдельных «двигателей» и трудность регулирования. Но это не означает ни «бесконечности» этого явления (все миграции, как знают демографы, имеют свой жизненный срок), ни невозможности на него воздействовать и не избавляет от необходимости диверсифицированного анализа конкретных потоков.

Общее и особенное в исследованиях иммиграции – еще один теоретико-методологический вопрос, над которым заставляет задуматься опыт последнего экономического кризиса. Обращают на себя внимание большие различия во влиянии кризисных проявлений на иммиграционную ситуацию в отдельных странах, отмеченные многими аналитиками (см., например: 21; 37). Очевидно, что понять эти расхождения можно только в более широком страновом контексте.

В отдельных европейских странах иммиграция имеет свою историю, географическую и этническую структуру, есть несовпадения в иммиграционном законодательстве и политике, восприятии иммигрантов, положении диаспор, степени их интегрированности, их социальном и политическом поведении.

Разительные вариации дает сравнение стран «большой тройки» – Великобритании, Франции и Германии. В каждой из них ситуация в немалой мере определяется присутствием характерных именно для этой страны крупных общин: в Великобритании – прежде всего индийцев и пакистанцев, во Франции – магрибинцев, в ФРГ – турок. Кроме того, в трех государствах исторически сложились свои, по-разному акцентированные подходы к иммигрантам, и именно они стали основой для классификации моделей иммиграционной политики.

Свой характерный профиль приобрела иммиграция (а также отношение к ней) в Испании, где ведущим стало латиноамериканское направление. То же относится к Италии – там география иммиграции связана больше с Юго-Восточной Европой и Южным Средиземноморьем, а ее этнический состав диверсифицирован более равномерно. Поэтому встречающееся в научных работах объединение двух этих стран в одну «южноевропейскую модель» инкорпорирования иммигрантов выглядит спорным.

Хотя ключевые аспекты иммиграционного вызова по сути своей едины для всей Европы, изучение страновой и диаспоральной специфики иммиграции принципиально важно. Ее игнорирование не только упрощает картину, лишая ее нюансов – это, в конце концов, второстепенно и неизбежно сопутствует анализу. Главное, что без учета хотя бы основных вариаций нельзя сделать адекватные обобщения относительно вектора иммиграционных процессов в Европе. А процессы эти многомерны и не лишены противоречивости.

Существенно важным для динамики миграционных потоков и их восприятия является комплекс исторических, культурных, политических и торгово-экономических связей между страной-донором и принимающей страной, особенно когда речь идет о крупных европейских государствах с имперским прошлым и внешнеполитическими амбициями. Значение этого фактора не раз показывалось в работах по истории миграции, да и теоретически концептуализировано довольно давно. Еще 20 лет назад в Оксфорде под редакцией социологов Мэри Критц, Лин Лима и Хании Злотник вышла книга «Международные миграционные системы: Глобальный подход», где они изложили концепцию таких трансрегиональных миграционных подсистем¹ (28). В России она в конечном итоге не осталась незамеченной: в частности, в монографии Марины Блиновой она выделена в качестве одной из современных социологических теорий миграции (2). Однако в профессиональном западном дискурсе по теоретическим вопросам миграции эта концепция по большей части даже не упоминается. Возможно, так

¹ Мэри Критц в настоящее время является старшим исследователем Корнуэльского университета, Хания Злотник работает директором Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН.

сложилось потому, что она фокусируется на разделяющем западные государства автономном аспекте их внешней политики, который не относится к популярным мотивам европейского публичного дискурса. Между тем, например, казус интенсивной латиноамериканской иммиграции в Испанию настойчиво напоминает об актуальности этого теоретического ракурса. Испано-латиноамериканские миграционные связи имеют свои особые корни и неотделимы от динамичного развития иберо-американского сообщества, объединяющего Испанию и Португалию с латиноамериканским регионом.

«Уроки» экономического кризиса в Европе для теории миграции, разумеется, не исчерпываются сказанным. Как любой этап интенсивных перемен и противоречий, период переживаемых Евросоюзом экономических испытаний дает особенно концентрированный и красноречивый материал по многим дискуссионным аспектам иммиграционной проблематики. И это – заслуживающее внимания поле для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Ананьева Е.В. Проиграют ли левые кризис? // Британия в кризисе: Тактические меры и стратегические цели / Под ред. А. Громыко и др. – М., 2012. – (Доклады Института Европы РАН; № 280). – Режим доступа: <http://www.ieras.ru/reports.htm>
2. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. – М., 2009. – 160 с.
3. Вишневский А. Конец североцентризма // Россия в глобальной политике. – М., 2009. – № 5, сент. – окт. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14035
4. Ионцев В. Предисловие // Миграция и развитие: Сборник статей / Гл. ред. Ионцев В.А. – М., 2007. – 255 с. – С. 4–6.
5. Италия: Сезонные рабочие, которых не хотят замечать // Euronews. – 2013. – 15.02. – Mode of access: <http://ru.euronews.com/2013/02/15/italy-s-migrant-slavery/>
6. Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: Сборник статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М., 2007. – С. 183–187.

7. Международная миграция и развитие: Доклад Генерального секретаря // Документы ООН. – Mode of access: daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/452/15/PDF/N1245215.pdf?OpenElement
8. Окольский М. Миграционное давление на Европу // Вынужденная миграция: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / МГУ. Эконом. фак.; Гл. ред. В.А. Ионцев. – М., 2001. – Вып. 6. – С. 46–54.
9. Рыбаковский Л.Л. Механизмы формирования миграционных потоков // Миграция и развитие: Сборник статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М., 2007. – С. 183–187.
10. Юдина Т.Н. Социология миграций: К формированию нового научного направления. – М., 2004. – 398 с.
11. Яковлев П. Интересы и ценности в отношениях между Россией и Европейским союзом. – Mode of access: http://perspectivy.org/oikumena/politika/interesy_i_cennosti_v_otnoshenijah_mezhdu_rossijej_i_jeuropejskim_sojuzom_2013-05-29.htm
12. Alonso J.A. International migration a. development: A review in light of the crisis. – 64 p. – (CDP Background Paper; N. 11(E) ST/ESA/2011/CDP/11(E) Dec. 2011). – Mode of access: http://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp_background_papers/bp2011_11e.pdf
13. Attali J. Une brève histoire de l'avenir. – P.: Fayard, 2006. – 423 p.
14. Brücker H. The labor market impact of immigration a. its policy consequences // CARIM-AS / Robert Schuman Centre for advanced studies. San Domenico di Fiesole (FI), Europ. University Institute. – 2012. – N 2012/04. – Mode of access: <http://www.migrationpolicycentre.eu/docs/MPC%20ASN%202012-04.pdf>
15. Database on immigrants in OECD countries (DIOC). – Mode of access: <http://stats.oecd.org/>
16. European economic forecast, Winter 2013 // (Europ. Economy) European Economy / Europ. Commission. 2013. – N 1, Febr. – Mode of access: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/european_economy/2013/pdf/ee1_en.pdf
17. Faist T., Kivisto P. Beyond a border: The causes a. consequences of contemporary immigration. – [S. n.]: SAGE, 2010. – 320 p. – (Sociology for a new century series).
18. Fargues Ph., Fandrich Ch. Migration after the Arab Spring // MPC-RR / Robert Schuman Centre for advanced studies. San Domenico di Fiesole (FI): Europ. University Institute. – 2012. – N 2012/09. – 22 p. – Mode of access: <http://www.migrationpolicycentre.eu/docs/MPC%202012%20EN%2009.pdf>

19. Fuchs R. Immigrants absent from German public sector // DW.DE. – 2012. – 04.12. – Mode of access: <http://www.dw.de/immigrants-absent-from-german-public-sector/a-16426839>
20. Godenau D., Vogel D., Kovacheva V., Wu Y. Labour market integration a. public perceptions of immigrants: A comparison between Germany a. Spain during the economic crisis // Comparative population studies = Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. – Wiesbaden (Germany), 2012. – Vol. 37, N 1-2. – P. 55-76.
21. Green T., Winters A.L. Economic crises a. migration: Learning from the past a. the present // Migration a. remittances during the global financial crisis a. beyond / Ed. by Sirkeci I., Cohen J.H., Dilip R.; The World Bank. – Wash., 2012. – P. 35-52.
22. Highly skilled migration // World Migration Report 2008 / Inter-American Development Bank. – Mode of access: <http://www.iadb.org/intal/intalcdi/PE/2008/02382a04.pdf>
23. Hirst P., Thompson G. Globalization in question. – 1 st ed. – [S.l.]: Polity Press, 1996. – 227 p. – Последующие издания: 1999, 2009.
24. Indicators of immigrant integration: A pilot study / Eurostat. Europ. Union, 2011. – 253 p. – Mode of access: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-RA-11-009/EN/KS-RA-11-009-EN.PDF
25. Indicators. Net migration. Data / The World Bank. – Mode of access: http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM/countries/all?order=wbapi_data_value_2010%20wbapi_data_value%20wbapi_data_value-first&sort=asc&display=default
26. Integration Fund – European Commission. 4 Jan. 2013. – Mode of access: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/integration-fund/index_en.htm
27. International migration report 2009: A Global assessment. – ST/ESA/SER.A/316. Dec. 2011. – United Nations. DESA. – 2011. – XXII, 360 p. – Mode of access: <http://www.un.org/esa/population/publications/migration/WorldMigrationReport2009.pdf>
28. International migration systems: A global approach / Ed. by Kritz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. – Oxford, 1992. – 354 p.
29. Jennissen R. Economic determinants of net international migration in Western Europe // European journ. of population. – 2003. – Vol. 19. – P. 171-198. – Mode of access: <http://www.nidi.knaw.nl/Content/NIDI/output/2003/ejp-19-02-jennissen.pdf>
30. Jennissen R. Economic theories of international migration a. the role of immigration policy. – The Hague, 2004. – Mode of access: <http://epc2006.princeton.edu/papers/60112>

31. Kraler A. Family migration policies in Europe. – Vienna, 2012. – Mode of access: http://www.udi.no/Global/UPLOAD/Arrangementer/2012/Kraler_Impact-of-Family-migration-policies.pdf
32. Martin J.P. Migration a. the global economy. – Mode of access: <http://www.oecd.org/migration/mig/40196342.pdf>
33. Migration a. remittances during the global financial crisis a. beyond / Ed. by Sirkeci I., Cohen J.H., Dilip R.; The World Bank. – Wash., 2012. – 440 p.
34. Net migration rate by country: CIA world factbook. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2112rank.html>
35. Pettinger T. Impact of immigration on UK economy. – Mode of access: <http://www.economicshelp.org/blog/6399/economics/impact-of-immigration-on-uk-economy/>
36. Scherle D. Is Germany growing more open to immigrants? // Deutsche Welle. – 2012. – Oct. 16. – Mode of access: <http://www.dw.de/is-germany-growing-more-open-to-immigrants/a-16306087>
37. Skeldon R. The current global economic crisis a. migration: Policies a. practice in origin a. destination // Working paper / University of Sussex. – 2010. – T-32. – Mode of access: http://www.migrationdrc.org/publications/working_papers/WP-T32.pdf
38. Theories of international migration: A review a. appraisal / Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E. // Population a. development review. – 1993. – Vol. 19, N 3. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/2938462>
39. Vasileva K. 6,5% of the EU population are foreigners and 9,4% are born abroad // Eurostat.-2011. – N 34. – Mode of access: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-SF-11-034/EN/KS-SF-11-034-EN.PDF